

УДК 32:172

Б.В. Колодкин, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

ЧЕЛОВЕК И РЕФОРМЫ: НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Анализируются противоречия между традиционными нравственными установками, существующими в нашем обществе, и формирующимся новым экономическим порядком.

Люди – объекты и субъекты преобразований в экономике. Программы правительства, парламента – лишь первый шаг на пути изменения экономических отношений. Реформы осуществляются или манкируются людьми, исходящими из собственных интересов и своего понимания замыслов руководства. Их отношение к проводимым преобразованиям определяет успех или провал реформ. Чтобы оценить пореформенное развитие страны, нужно представить себе не только то, как влиятельные социальные группы относятся к осуществляемой государством политике, но и то, как рассматривает ее рядовой гражданин, как, с его точки зрения, она повлияет на его судьбу, кажутся ли ему реформы справедливыми, каким ему видится будущее страны.

Возможно, наиболее серьезное влияние на осуществление рыночных реформ оказывают следующие представления о рыночной экономике. Первое: рынок – это всеобщее процветание. Для сторонников версии, что рыночная экономика быстро обеспечит высокий жизненный уровень для большинства населения, бесплодность этих надежд становится очевидной достаточно быстро, и они столь же быстро превращаются в противников перехода к рынку.

Сутью следующего представления о рыночной экономике является уверенность в том, что рынок (капитализм – назовем вещи своими именами) – это лишь богатство преступников, мафиози, коррупционеров на фоне всеобщей нищеты.

Но, пожалуй, наиболее распространенным (или предпочтительным?) является представление о рынке как об обществе пропорциональной справедливости, в котором то, что человек получает, находится в прямой пропорциональной зависимости от того, что он создает, т.е. его доход (благосостояние, благополучие) находится в прямой зависимости от интенсивности, количества и качества его труда.

Но этот достаточно благообразный и позитивный образ формируемого общества все-таки довольно неоднозначно воспринимается людьми – просто-напросто многих пугает. Общество пропорциональной справедливости

хорошо для сильных, здоровых, молодых людей. Крайнее его воплощение – «три пятерки» Генри Форда: пятидневная рабочая неделя, пятичасовой рабочий день, пять долларов в час за интенсивную работу на конвейере. Принимались на эту работу мужчины до 30 лет. Но куда деваться в таком обществе старикам, больным, более слабым в социальном плане? А десятилетия рассказов о бездомных и голодных на Западе, подкрепленные многочисленными фактами несправедливости и жестокости нашей сегоднешней жизни, разве проходят даром?

Если человек исходит из того, что формируемое общество будет тем, в котором более сильные (в социальном отношении) получают больше, а более слабые – меньше, то тогда его представление о собственном будущем определяется тем, как высоко он оценивает свои собственные способности. Человек с низкой самооценкой, даже предполагая, что при развитом рынке большинство людей будет жить лучше, считает, что он-то как раз и попадает в число неудачников, тех, кто будет жить хуже. В конце концов, люди боятся больше не того, что сосед будет жить лучше, а того, что сами они будут жить хуже.

Многие, искренне поддерживая рынок на уровне сознания, на бессознательном уровне проявляют растерянность и страх, а на поведенческом уровне – сопротивление, недоверие к рыночным реформам. Этот не всегда осознаваемый страх ухудшения материального и морального положения (боязни, что твоя дефицитарность (недостаточность) в новых условиях выйдет наружу, и ты не сможешь сохранить достойный жизненный уровень, потеряешь уважение людей) является более значимым препятствием на пути экономической реформы, чем мифическая уравнилельная психология.

Немаловажно и другое. Начало реформ было встречено нашим обществом довольно положительно. Надежды, однако, быстро стали уступать место разочарованию. Покупательная способность значительной части населения снизилась, у многих изменилась к худшему структура питания, недостижимой роскошью стал для них привычный отдых. Но и среди тех, кто выиграл от реформ, немало выступающих против них. В значительной степени этот негативизм обусловлен не ситуативным изменением уровня жизни, а нравственно-психологическими аспектами экономической реформы. Требования реформ вступают в противоречие с некоторыми, традиционными для нашей культуры, нравственными нормами – скромностью, амбивалентной оценкой индивидуальной инициативы, активности, негативным отношением к богатству [1]. От трудов праведных не наживешь палат каменных. В конце концов, вышеупомянутый Г.Форд писал: «Спекуляция означает не больше и не меньше, как более пристойный вид воровства» [2].

Тогда что можно ожидать от людей – благоговения перед нуворишами, парвеню (напомню: это понятия, означающие людей, разбогатевших на

спекуляциях, финансовых махинациях) или ненависти к ним, основой которой является страх потерять последнее, убогое, но кормящее семью или (и) совесть порядочного человека.

Сам успех, стремление к которому является психологической основой рыночной экономики, воспринимается у нас неоднозначно. В отечественной классической литературе 19-го века успеха и богатства добивается плохой человек, платящий за это беспокойством и одиночеством. Хороший же человек остается бедным, предпочитая богатству самосовершенствование и внутреннюю духовность. Можно сколько угодно говорить, что традиционная мораль не отвечает требованиям сегодняшнего дня, но именно она устанавливает повседневные отношения между людьми, в том числе и близкими, удерживая их, правда не всегда, от лжи и жестокости в отношениях друг с другом. Волевая замена сложившейся моральной системы на другую, более адекватную императивам рыночной экономики, невозможна. Хотя попытки и предпринимаются. Достаточно вспомнить партию «За красивую Украину» с ее призывом: «Мы должны изменить код нации на индивидуализм».

Стремление соответствовать традиционным образцам играет важную роль в мотивации сегодняшнего человеческого поведения. Если деловая активность, инициатива и вообще рыночные отношения ассоциируются со злом, многие или не будут действовать в этом направлении, или будут стыдиться себя. Возможно, это имел в виду К.Боровой, сказавший, что стыдно быть богатым, когда вокруг бедные.

И для того, чтобы люди в массе своей поддержали реформы, послереформенное будущее должно представляться им достаточно привлекательным, реализующим хоть в какой-то степени их чаяния не только в материальной, но и в нравственной сфере.

Детализируя сказанное, можно выделить ряд причин негативного образа послереформенного общества. Прежде всего «локомотивы» и идеологи рыночной экономики, понимая, насколько сложно сочетать требования рынка с традиционными нравственными императивами, пошли по пути игнорирования последних. Люди поддержали реформы в значительной степени потому, что реформаторы обещали построить более справедливое общество. Однако сегодня несправедливости не стало меньше.

«Малая приватизация» – передача в частные руки предприятий торговли, общественного питания и сферы обслуживания – проводилась так, что преимущество имели обладатели больших капиталов или торговые работники. При приватизации крупных государственных предприятий в привилегированных условиях оказывались представители прежней хозяйственной номенклатуры. Более того: вор, вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, идет во власть, в капиталисты. Т. Корякина, доктор экономических наук, многие годы изучавшая проблемы «теневой экономики», еще в авгу-

сте 1991 года говорила о том, что в Советском Союзе формируется уголовно-коррупцированное государство. В те же девяностые годы в телесюжете надзиратель одной из тюрем процитировал слова своих подопечных: «Пришло наше время». Время воров? А. Кречетников, юрист, автор книги «Жизнь за решеткой», много лет изучавший нравы, царящие в среде осужденных преступников, пишет об их жизненном кредо – пользоваться чужим трудом, чувствовать себя хозяином «быдла» – основной массы осужденных («мужиков», «работяг»).

Допустим, что названное выше неизбежно и правы те, кто говорит, что неважно, откуда взялся капитал, кем был капиталист раньше – функционером прежней власти или уголовником. Важно поставить его в условия, когда ему будут выгодны не насилие и обман, а производство и торговля. Например, К.Чернецов пишет, что «... крымские криминальные кланы, в основном, влились в экономическую систему.... И в их интересах уже не физическое устранение конкурентов в погоне за доходами, а повышение прибыльности своей собственности, развитие по нормальному рыночному пути, хотя незаконные тенденции в их деятельности будут проявляться еще долго, может быть, и не одно поколение. Но наступит время, когда девяностые годы назовут периодом первоначального накопления капитала, а наследники вожakov криминальных объединений станут настоящей элитой, предпринимателями, меценатами, учеными» [3].

Однако ссылки на то, что основатели промышленных империй Запада были отнюдь не святыми и что на заре капитализма в палату лордов порой пересаживались с мостика пиратского корабля, мало убеждают. То, что было возможно (и определяющее) тогда, неприемлемо сегодня. Тем более для нас, ориентирующихся на вышеупомянутые традиционные нравственные ценности.

Криминальный менталитет значительного числа новых капиталистов, «парвеню» может оказать деструктивное воздействие на все наше будущее. Да и вряд ли эти люди ассоциируются в сознании рядового человека с представлениями о справедливом общественном устройстве.

Интересно еще одно увещание. В книге П. Бурышкина «Москва купеческая» приводятся родословные 25 крупнейших купеческих семей. Автор пишет об их благотворительности [4]. Но напомним слова М.Твена, сказанные им тогда же, в конце 19-го века: «Капиталист сдерет с меня десять долларов и вернет один доллар в виде бесплатной похлебки».

Быстрое обогащение связано либо с очень большой удачей, либо с известным пренебрежением законом или, во всяком случае, моралью. В общественном сознании формируется представление о том, что честным путем нельзя добиться не только богатства, но и просто благосостояния. Субъективные представления о распределении доходов в стране носят би-

модальный характер – люди считают, что у нас очень много бедных, некоторое число богатых, но практически нет людей с достатком, со средним уровнем дохода. Средняя часть шкалы доходов представляется незаполненной, пустой. У бедного человека нет шансов существенно улучшить свое материальное положение стадийно, шаг за шагом. Он может лишь перепрыгнуть через отделяющую его от богатых пропасть, но для этого должно произойти чудо, либо в один прекрасный день он должен сказать себе, что «надоело быть бедным» («пасхальные» истории в прессе), либо ему надо совершить преступление.

Все это ставит его в крайне сложное психологическое положение. Раньше он обладал ограниченным достатком, но спокойная совесть компенсировала ему скромные условия существования. Он знал, что вокруг есть богатые люди, но эти люди вынуждены скрывать свое богатство (достаточно вспомнить повесть «Змеелов»), они жулики, осуждаемые и законом, и моралью. Сейчас же отрицается не просто старый экономический порядок, но и сам образ жизни значительного числа людей. Скромность и честность, которыми они гордились, объявляются слабостью, глупостью и неумением ответить на требования времени.

Реформаторы рассчитывали на рациональное поведение людей. Предполагалось, что, в конце концов, человек поймет, что ему выгоднее не митинговать, требуя социальной защиты, а работать, обеспечивая себя и свою семью. Но рациональное поведение требует определенного внутреннего душевного спокойствия, если и не уверенности в будущем, то, по крайней мере, понимания и согласия с тем, что происходит вокруг. (Напомним, счастье – это согласие с самим собой, т.е. твои поступки, то, что происходит вокруг, отвечает твоим представлениям о должном). Ощущение краха и «игры без правил» вряд ли способствует плодотворной работе – тому, чего ждут от людей реформаторы, власть предержащие.

За все время реформ людям так и не объяснили, что безработица, спад производства – не результат злонамеренности правительства, а неизбежный кризис, без которого не может быть экономического выздоровления. Пожалуй, экономисты-реформаторы исходили из важной, но не срабатывающей презумпции. Им казалось, что если они добьются принятия нужных законов, регламентирующих разумные правила игры в экономике, то дальше процесс пойдет сам собой, нуждаясь лишь в периодической корректировке. Людям, по мнению идеологов реформ, не остается иного выбора, кроме принятия новых реалий. Не хватает зарплат – приходится искать дополнительные заработки. Растут цены на еду – надо на ней экономить. С точки зрения макроэкономики, не важно, что при этом думает и чувствует человек. Реакция людей – раздражение или возмущение, вера или надежда – не

имеют значения и могут не приниматься во внимание. Пройдет время, и они поймут, что все было правильно и необходимо.

Но в условиях социальной нестабильности недовольство, обусловленное длительным нерешением противоречия между потребностями, интересами, социальными ожиданиями людей и мерой их фактического удовлетворения, приводит к увеличению агрессивности отдельных групп людей, нарастанию стрессов, психологической усталости и раздражительности. Люди могут на выборах проголосовать за политиков, оппозиционных разочаровавшему их курсу, что и подтвердили прошедшие президентские выборы в Украине.

Библиографический список

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра / Н.О. Лосский. — М., 1991. — С. 238–360.
2. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения / Г. Форд. — К., 1993. — С. 12.
3. Чернецов К.А. Крым бандитский: Крымская братва в борьбе за сферы влияния / К.А. Чернецов. — М., 1998. — С. 102.
4. Бурышкин П.А. Москва купеческая / П.А. Бурышкин. — М.: Высш. шк., 1991. — 352 с.

Поступила в редакцию 14.12.2004 г.